

Подготовка к встрече

После того, как бамбук взорвался в печи, я вновь свалилась от лихорадки. Извиваясь от боли, я сжимала мой последний бамбуковый брусок.

Мой гнев уже перегорел. Даже досады не чувствую. Только отчаяние от множества безрезультатных попыток изготовить книгу. Вместе всё это нагоняет глубокую усталость. Хочется просто забыться, отпустить всё это.

Меня больше ничего не волнует. Сила воли будто испарилась.

Моя мать сожгла моккан. Когда она сожгла бамбук, который принёс Лютц, чтобы я могла изготовить бруски, у меня не получилось даже разозлиться как следует.

Если бы я только была здорова. Если бы я была сильной, как взрослые.

Если бы я была взрослой, то могла бы пропустить папирус, глиняные таблички и моккан — сразу бы перешла на рисовую бумагу. Если бы у меня были силы на нормальную работу, как у Тури и Лютца, то было бы возможно попробовать. Но с этим хрупким телом и этими слабыми детскими руками я ни за что не смогу нарубить древесину, которая нужна, чтобы сделать настоящую бумагу.

Если бы я могла просто подождать, пока вырасту, то, наверное, смогла бы найти правильный путь. Но до этого так далеко. И все же, хоть я и говорю о росте, вырасту ли я, как и все остальные? Смогу ли вырасти при такой слабости?

На это можно даже не надеяться.

Если все действительно бессмысленно, разве не будет ли лучше сдаться этой болезни, бушующей во мне? В месте, где я не могу получить хотя бы одну-единственную книгу, моя борьба за выживание действительно стоит того?

Может быть, мне стоит просто исчезнуть.

Это была мимолетная, случайная мысль, но лихорадка все-таки вспыхнула, высосав из меня все силы. Распространяя внутри смутное желание просто перестать думать и дать болезни проглотить себя.

Сожалею только об одном: я не смогу извиниться перед Лютцем.

Я не смогу извиниться за то, что так и не смогла использовать бамбук, несмотря на все его усилия найти негорючий материал для меня. Слова, которые он произнёс, когда уходил, заставили меня задуматься.

«Это просто, чтобы ты познакомила меня с Отто! Я просто плачу тебе заранее, вот и все, так что тебе лучше поскорей выздороветь! Поняла?!»

Я не смогу выполнить обещание. Несмотря на то, что он проделал так много работы ради этого. Могу ли просто притвориться, что такого обещания никогда не было и сбежать в глубины моей болезни?

Лютц заплатил мне заранее. Было бы так легко просто исчезнуть в этой лихорадке, но он принёс мне бамбуковые стебли, поэтому просто необходимо поправиться и обязательно познакомить его с Отто.

В попытках избавиться от болезни, я пытаюсь объяснить себе, что это ради Лютца. Я предпочту сдержать свое обещание, нежели буду сожрана живьём. Мне нужно привести в порядок свои дела. У меня нет времени для мыслей, подобных той, что мелькнула в голове совсем недавно.

Правильно, когда умерла в том землетрясении, я не была готова к подобному... А-а-а! Что случилось с теми вещами, что я так хотела сделать?! Не-е-ет! Я не хочу этого, я не хочу опять всё потерять! Это ужасно! Я не могу так просто умереть здесь!

Все сожаления из моей предыдущей жизни, которые, как мне казалось, я уже похоронила, ярко всплыли в сознании.

Даже если я уже умирала, я не собираюсь повторять этот опыт!

Я, плача, вскочила на ноги. И в этот момент лихорадка каким-то образом начала спадать, оставляя после себя лишь слабые отголоски болезни.

Я решила отбросить последние сожаления о моей прошлой жизни и больше никогда не вспоминать о них. Теперь, когда мне, наконец, разрешили выходить из дома и провожать папу к воротам, я направилась в дежурную комнату, чтобы встретиться с Отто.

— Простите, мистер Отто, я просила вас об одолжении, но потом заболела...

Всё так и было: пока я валялась с лихорадкой, Отто потратил своё свободное время и пришел, чтобы уйти ни с чем... Поэтому он и Лютц не смогли встретиться, как я рассчитывала.

— Капитан рассказал мне о том, что ты болела несколько дней. С тобой все в порядке? — обеспокоенно спросил он.

— Да! — сказала я, улыбаясь. — Благодаря вам всем.

Отто слегка нахмурился и, пристально глядя на мое лицо, произнес:

— Ты точно в порядке? Лицо у тебя, кажется, ещё очень бледное.

В моём ужасном внешнем виде на самом деле не виновата лихорадка. Это, скорее, от принятия того факта, что я никогда не смогу изготовить бумагу.

— Эх, на самом деле, это от того, что меня кое-то очень беспокоит. Я не знаю, что же мне делать... Отто, я могу спросить, что бы вы сделали на моём месте?

— А? Ты хочешь узнать, что бы я сделал, если бы столкнулся с похожими проблемами? — он взглянул на меня круглыми от удивления глазами. Отто, в свое время как торговец, должен был накопить столько опыта, что я даже и представить не смогу. Вероятно, он мог бы найти решение, которое мне самой найти не под силу.

— Да. Есть кое-что, в чем я очень нуждаюсь, но из-за своей слабости и болезненности, я не могу изготовить это сама. Повзрослев, я думаю, что смогу, но с таким телом, я не знаю, буду ли здорова, когда вырасту, да и окрепну ли как все остальные. Кроме того, я, действительно, не могу ждать столько времени. Мистер Отто, что бы вы сделали на моём месте?

Отто, кивая, слушал мое объяснение. Когда я закончила, он сразу же ответил, будто для него это ерундовая проблемка.

— Если ты не можешь сделать это сама, — сказал он, слегка поднимая брови, — почему бы тебе не нанять кого-то, кто может? Это все, что тебя беспокоит?

— Ах?!

Вот уж, действительно, он открыл мне глаза. Я даже не подумала об этом. Как и ожидалось от торговца. Нет, вообще, я, конечно, знала, что могу наняться на работу к кому-нибудь, но мне никогда не приходило в голову, что я сама могу быть нанимателем.

— Это потрясающая идея, но у меня не хватит денег...

— Ну, если ты и правда больше не можешь ждать, тогда... Хм. Если бы это был я, то нашел бы кого-то, кто смог бы это сделать, а затем тонко подвёл бы его к тому, что он хочет сделать это по собственной воле. Это трудно, но если сможешь пойти этим путем, это не повредит твоему бюджету.

Он, действительно, бывший торговец. Его речи настолько сладкие, а улыбка такая искренняя, но я чувствую, что за ней скрывается много хитрых планов. Должно быть, меня он провёл так же, да? Мои счётные навыки довольно высоки, но разве это была не моя идея, что со здешним бюджетом было бы очень легко нанять помощника, работающего за сланцевые карандаши?

— Я последую вашему примеру.

Найти кого-то, кто сможет сделать это, а затем подвести его к мысли, что он хочет сделать это по собственной инициативе... вот так, да? Кажется, это будет очень сложно для кого-то вроде меня.

Пока я копалась в своих мыслях, Отто похлопал меня по плечу и вручил мне мои таблички. Он ясно показал, что разговор закончился, и что я должна возвращаться к занятиям.

— А, кстати! Мейн, раз тебе стало лучше, может, перенесём встречу на послезавтра, в мой выходной? Мы могли бы встретиться, хм... Ну, на центральной площади, например. Как насчет встретиться где-то около третьего звонка колокола?

— Я как раз хотела спросить об этом! Огромное спасибо!

По привычке я начертила памятку в углу таблички. Оглянувшись, я увидела Отто, с огромной улыбкой потирающего подбородок. В его глазах будто что-то сверкало. От этой улыбки по спине пошел холодок, словно передо мной возникла угроза. Я рефлекторно выпрямилась и пристально вгляделась в его лицо.

— Ах, если это будет кто-то, кого приведет сама Мейн, то он обязан быть интересным ребенком. Я с нетерпением жду выходного дня!

Но в его словах я услышала: «Смотри не приведи кого-то скучного, потому что это испортит мой прекрасный выходной». Или это было только моим воображением? А? Я думала, что это будет обыкновенная встреча, на которой Лютц мог бы поспрашивать о том, какого это — быть торговцем, не так ли?

Успокоив внезапное появившееся волнение, я, улыбаясь, кивнула и вернулась к табличке.

Меня бросило в холодный пот. Дело плохо. Я едва договорилась об этой встрече, но даже не представляю, что на ней будет!

Если мы встречаемся послезавтра, то у меня почти не осталось времени. От этой мысли я до боли стиснула зубы. Я даже спросить никого не могу — сама же всё устроила, теперь не получится сказать, что даже не знала для чего эта встреча. Пока я усердно практиковала свой словарный запас, стуча по табличке карандашом, в голове мелькали догадки о том, что все это может значить.

— Мейн, пора домой.

— Папа!

Еще немного рано идти домой, но если отец зовёт меня, мне остаётся только собирать вещи и идти за ним.

— Эй, папочка. Я сказала мистеру Отто, что хотела бы представить ему Лютца, но что такая

встреча означает?

— Лютц ведь сейчас выбирает ученичество, верно? Я думаю, что ему было бы лучше последовать примеру старших братьев, но, насколько я понимаю, он хочет стать торговцем?

Выбор работы?! Нет, нет, нет... это не должно было быть так серьёзно! Я имею в виду, как такой ребенок, как я, может представлять кого-то работодателям?!

— Но ведь он просто сказал, что хочет задать пару вопросов...

— Правильно, поэтому нет никаких сомнений в том, что он выбирает профессию, чтобы затем попросить об ученичестве. А он очень упорный, да?

— Упорный?

— Конечно. Если мы говорим о выборе подмастерья, то говорим об ученике, за которым будут тщательно присматривать и воспитывать в течение очень долгого времени. Даже спустя многие годы эта связь может сохраниться.

Это гораздо серьезнее, чем я считала. Лютц не просто задаст несколько вопросов. Похоже, он хочет, чтобы Отто, как бывший торговец, представил его кому-то.

А-а-а, так, другими словами, встреча послезавтра будет собеседованием? Почему я и понятия не имела, что это будет так важно?!

После того, как мы вернулись домой, я подробно расспросила маму и папу об ученичестве. На следующий день, полностью осознав, насколько серьезной будет эта встреча, я загрузила свою корзину полезными вещичками и отправилась в лес. По пути я рассказала Лютцу о печальной судьбе бамбуковых брусочков и пересказала ему разговор с Отто. Он вздохнул, когда услышал о судьбе бамбука, и сказал, что бамбук можно легко принять за ванихицу (П.П. «vanihitz» — Наверное, вид деревьев. Не нашёл), а когда я рассказала ему о встрече, он с искренним восторгом поблагодарил меня.

Добравшись до леса, наша группа тут же разделилась, чтобы искать хворост. Однако я схватила Лютца за руку и потащила к реке.

— Итак, Лютц. Здесь хорошее место, поэтому давай-ка сделаем тебя красивым и чистым.

— А-а?!

Отто очень аккуратный, ведь раньше был торговцем. Я думаю, что Лютцу стоит произвести лучшее впечатление, на которое он только способен. Поскольку я так часто помогаю Отто с его работой, мне хорошо известно, как он думает.

На месте Лютца, я бы хотела провести встречу безупречно. Если Отто не оценит Лютца высоко

на их первой встрече, он может даже к лавочнику Лютца не отвести, не говоря уже о торговцах.

— Когда впервые встречаешься с людьми, первое впечатление очень важно! У нас есть время подготовиться, так что все должно быть идеально! Если бы я сейчас оценивала тебя, — я придиричливо оглядела парня с головы до ног, — то хорошего было бы мало.

— Даже если я вымоюсь, то не думаю, что многое изменится.

Было бы здорово, если бы Лютц мог одолжить красивую одежду у Ральфа — он надевал ее для крещения. Вот только я не знаю, разрешит ли он ее взять. У Лютца, да и у меня, не слишком много одежды, поэтому у нас нет вариантов, кроме как носить обычные вещи, но если есть хотя бы что-нибудь, что мы можем улучшить, то я это сделаю. Не обращая внимания на его упрямство, я достала свой шампунь «все-в-одном» и, готовясь приводить его волосы в порядок, попутно объясняла, как влияет его внешний вид на других людей. Я собираюсь отполировать его до блеска, поэтому и притащила ведро, ткань и расческу с собой. Я не собираюсь обходиться полумерами, а хочу, чтобы всё его тело было чистым.

Я наполнила ведро речной водой и моим простым шампунем, а затем вновь сполоснула его волосы, как обычно я это делаю с Тури. Продолжая разговаривать с Лютцем во время работы, я чувствовала себя каким-то парикмахером.

— Итак, Лютц. Когда ты сказал, что хочешь подробнее узнать о том, как это — быть торговцем, ты действительно хотел им стать, не так ли? А так как ты хотел стать торговцем, ты захотел познакомиться с одним из них?

— Хм? Да.

Я вытерла его светлые волосы тряпкой. Теперь они прямо блестели. Эх, это настолько красивый золотой оттенок, что я бы от такого точно не отказалась. Затем, когда я их расчесала, они стали еще более сияющими. Сдерживая зависть, я продолжила расспросы.

— Так, Лютц, когда ты станешь торговцем, чем бы ты хотел заниматься? Просто путешествовать?

— Откуда все эти внезапные вопросы?

— Тебе нужно обязательно обдумать это!

— Зачем?

— Отто ничего не знает о тебе. К тому же, он не знаком с твоими родителями или родственниками, которые бы хорошо тебя знали и могли бы рассказать о твоих планах, так что придется тебе думать обо всем этом самостоятельно.

Из того, что я узнала вчера, похоже, что в этом городе родители официально представляют ребёнка мастеру, когда тот становится подмастерьем. Потому что дети не должны работать

вместе с родителями. Например, моя мама работает с малярами, поэтому она познакомила Тури с одной из своих подруг с работы и устроила её ученичество по профессии швеи.

Если дети работают вместе с родителями, они не склонны работать усердно и качественно, потому что слишком велик соблазн во всём полагаться на них. Однако, если ребенок изучает профессию, подобранную родителями, то они могут отдыхать спокойно, зная, что их ребенок контролируется проверенными знакомыми, и дети работают серьезно, потому что уверены, что их родители узнают обо всём. Лютц является примером очень редкого случая, когда родители не просто против его выбора, но еще и не знают человека, к которому он хочет пойти в ученики.

— Мистер Отто не отказался встретиться с тобой не потому, что он такой добренький! Раньше он был торговцем, поэтому он человек, который думает обо всем с точки зрения прибыли и убытков. Если ты придёшь, не подготовившись, то второго шанса не получишь.

Завтрашняя встреча будет собеседованием. Перед этим обязательно нужно убедиться, что внешний вид в порядке, и что это обдуманное решение. Если не подготовиться, то, скорее всего, работодатель просто не воспримет всерьез ваши намерения.

— А, что насчёт тебя Мейн?

— А?

— Если кто-то спросит тебя, зачем тебе становиться торговцем, что первое придёт тебе в голову? — чуть нахмурившись и поджав губы, спросил Лютц. Возможно, он сам не знает, как ответить на этот вопрос.

— Ну-у... Я хочу продавать бумагу. Если бы я стала учеником торговца, то смогла бы найти кого-то, кто заинтересован в её рецепте, и тогда я бы заставила его сделать много бумаги для меня.

Да, это всё рождено моим желанием обладать книгами. До сих пор я думала, что мне не следует полагаться на других, что я должна делать все возможное, чтобы создать нормальную альтернативу бумажным книгам. Однако сейчас я полностью выдохлась. Теперь я хочу, чтобы кто-то другой мог сделать её, от начала до конца, а моё участие ограничится рецептом. Если я сумею объяснить, в какую прибыль это выльется то, думаю, что найду кого-нибудь, кто начнет её изготавливать.

— Бумага? Я думал, что тебе нужны книги.

— Бумага необходима, чтобы их сделать. Но знаешь, я уже не думаю, что встречу кого-то, кому книги нужны так же, как и мне.

— Если ты будешь единственным человеком, который будет их покупать, то ты не сможешь их продать, верно? — произнёс он удивительно умную для ребёнка догадку.

— Да! Я уверена, что продавать книги будет непросто — кивая, с улыбкой отвечаю ему я. — Вот бумага — другое дело... Я думаю, что она будет дешевле пергамента, поэтому ее будут

покупать. По крайней мере, я уверена, что найду торговца, который возьмет меня в ученики в обмен на рецепт.

— Да. Ты и правда всё продумала, Мейн. Мне тоже придется хорошенько всё обдумать.

— Поскольку ты просто друг его ассистентки, мистер Отто может запросто тебе отказать. Но если ты сможешь четко сказать, что хочешь получить от профессии, и заставишь его поверить в будущую прибыль, разве тогда он не найдёт того, кому тебя представить?

Пока Лютц, глубоко задумавшись, хмурился, глядя на поверхность реки, я, используя эту заминку, полностью его домыла. У нас нет времени просто сидеть и думать.

Незадолго до третьего звонка мы с Лютцем добрались до городской площади. Я выглядела как и всегда, а вот Лютц был намного привлекательней, чем обычно. Я надеялась, что Ральф одолжит Лютцу ту красивую одежду, но, похоже, он не хотел, чтобы она испачкалась, и отказался.

— Эй, встреча же назначена около третьего звонка, да? Разве мы не слишком рано?

— Все нормально! Опоздать на интервью — это смертельная ошибка. Когда доберемся, можем немного посидеть и поболтать, оглянуться не успеешь, как все начнётся.

Храм регулярно звонит в колокол с интервалом от двух до трех часов. Ну.... Наверное, опаздывать на встречу в мире без точных часов не так уж и страшно, но не хочу, чтобы это могло повлиять на первое впечатление. Тем более, мы сами попросили об этой встрече.

— Это напомнило мне о вчерашнем. Мама так удивленно спрашивала, что я сделал со своими волосами. Раздула из этого непонятно что!

Лютц сокрушенно посмотрел куда-то вдаль и растерянно подергал блестящий светлый локон, падающий на лоб. Я понимаю, о чём думала его мать. Если бы мой сын после целого дня на улице вернулся домой с гладкими глянцевыми волосами, то мне тоже было бы очень любопытно.

В конце концов, красота это та вещь, которая всегда очаровывает женщин.

— Я сказал ей, что это твоих рук дело, и поэтому она должна спросить тебя, если хочет знать.

— Что?! — восклицаю я, резко подпрыгнув. Голова тут же разболелась — меня ждет страшное: бесконечные расспросы Карлы. Чуть успокоившись, я возвращаюсь на место и тихо отвечаю: — Я могу только поделиться с ней рецептом шампуня, чтобы она могла сделать его сама. Мой, увы, закончился.

— Ах, прости. Если у тебя было так мало, не стоило тратить его на меня.

— Всё нормально. В конце концов, ты всегда помогаешь мне.

Я совершенно не против поделиться шампунем с Лютцем, так как он постоянно мне помогал, но вот делиться с Карлой... Мне и так уже приходится страдать от того, что я могу вымыть волосы с шампунем лишь раз в пять дней, а в остальное время довольствоваться простой водой.

— И всё же это как-то...

— Если тебя это действительно беспокоит, я была бы не против, если бы ты помог мне его приготовить. Я слишком слабая, поэтому мне трудно выжимать масло для шампуня.

— Правда?

Пока мы говорили, у входа на площадь появился Отто. Заметив нас, он широко улыбнулся. Мне сразу стала понятна причина его довольного вида.

Ах, это действительно была проверка.

Если учитывать то, что он дал такое нечеткое время — «где-то около третьего звонка колокола», — его пугающе хитрую улыбку, то это обязано было быть испытанием, которое показало бы, приедем ли мы заранее. Отто, поумерив улыбку, развернулся к другой части площади и помахал кому-то. В поле зрения появился еще один человек, и вдвоём они направились к нам. Капельки холодного пота побежали у меня по спине, и я бессознательно сжала руку Лютца.

— Они здесь, Лютц. Помни, представься первым.

— П-п-понял.

Смотря на то, как они оба безмятежно болтают, пока идут, я понимаю, что это друг Отто — купец. Он мельком взглянул на меня, наши взгляды встретились. В сверкающих искрами глазах читалась явная оценка. Но почему-то незнакомец оценивал меня.

Никто не сказал мне, что Отто не один будет оценивать Лютца!

А-а, это не моё интервью, но почему тогда я тоже так сильно нервничаю?!

<http://tl.rulate.ru/book/6509/228942>